

УДК 323.1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Д.В. Маковская, Р.Ф. Патеев

В последнее время реальностью современного политического мира стали разного рода дезинтеграционные движения, зачастую проявляющиеся в деструктивных формах регионализма, основывающегося на цивилизационном базисе и являющиеся следствием процессов глобализации и кризиса государственности. С учетом того, что цивилизационное измерение регионализма может формулироваться через исторический дискурс, это актуализирует необходимость подробного изучения данной проблематики.

Целью данной статьи является выявление концептуальных оснований формирования цивилизационного регионализма и выделение наиболее типичных исторических оснований, являющихся их базисом.

Говоря о цивилизационной основе регионализма и национализма, необходимо отметить, что в реализуемом контексте речь идет в первую очередь о региональных, или локальных цивилизациях. В качестве наиболее обобщенного их определения можно выделить следующую дефиницию: «региональная (локальная) цивилизация – это социально-культурная общность, обладающая специфическими характеристиками образа жизни, поведения, своими, отличными от иных (соседних) духовно-религиозными и социально-полити-

ческими теориями и системами» [1]. Данный тип цивилизаций в отличие от стадильных построен не на принципе противопоставления и иерархизации культур, а на поиске отдельных, присущих каждому отдельному случаю, отличий вокруг которых выстраивается конкретная цивилизационная модель. Современные исследователи констатируют отсутствие общепринятого наполнения категории «цивилизация», которое «принадлежит к числу тех понятий научного и обыденного языка, которые не поддаются сколько-нибудь строгому и однозначному определению. Если попытаться как-то объединить различные его значения, мы, очевидно, получим скорее некий интуитивный образ, чем логически выверенную категорию» [2, с. 44].

На данный момент отсутствуют общие для всех случаев основания выделения определенных общностей в цивилизацию, и констатируются только попытки выработать единую для всех цивилизаций универсальную «систему отсчета, при которой все наблюдения будут делаться с равной степенью точности» [3].

Существует мнение, согласно которому единственным принципиальным и реально действующим критерием выделения цивилизационных общностей является самосознание носителей цивилизационной идентичности,

Маковская Дарья Владимировна – кандидат политических наук, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140б e-mail: 76mdvl@mail.ru, т. 8(863)2645631;

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, e-mail: pateev@bk.ru, т. 8(863)2645631.

Darya Makovskaya – Southern Federal University, 140 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: 76mdvl@mail.ru, tel. +7(863)2645631;

Rinat Pateev – Southern Federal University, 140 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: pateev@bk.ru, tel. +7(863)2645631.

“чувство своей цивилизационной принадлежности” и “противопоставление себя другим” [4, с. 190]. Цивилизационная идентичность, реализующаяся в соответствии с конструктивистским подходом как конструируемый феномен, может сосуществовать с региональной, национальной, этнической, гражданской и другими видами идентичности, и, образуя разнообразные и сложные сочетания, служить основой для регионализма и национализма.

Необходимо отметить, что регионализм является достаточно изученным, но неоднозначным феноменом. Даже базовый в данном случае концепт “регион” не имеет на данное время общепринятого наполнения. В рамках концепций “старого регионализма”, “регион”, как правило, рассматривался с “картографических” и “географических позиций” [5, с. 22] и обозначал определенную территорию внутри государства или территорию, “объединяющую два государства и более, ограниченную либо естественными границами, либо существующей в мировой практике сферой влияния” [5, с. 8].

В рамках концепций “нового регионализма”, категория “регион” стала рассматриваться с менее жестких позиций, подразумеваемая определенную “географическую близость”, “взаимозависимость”, “культурную однородность”, “чувство общности” или “региональную консолидацию” [5, с. 15]. Здесь регионы могут выступать в качестве как государственных, так и негосударственных акторов, и формироваться не только на географических основаниях, но и в результате внутри региональных процессов, аксиологического и культурного воздействия, влияния исторической памяти, реализации рациональных интересов. Фактически выделение регионов в рамках концепций “нового регионализма” детерминируется только “позицией исследователя и вопросами, находящимися в центре научной проблемы” [6].

Соответственно, такое явление, как “регионализм”, может обладать политическим наполнением, включая различные сецессионистские и дезинтеграционные процессы и движения, направленные на усиление властных полномочий претендующих на политическую субъектность социальных общностей и подразумевающие снижение или полное нивелирование влияния центральной власти. Зачастую политический контекст регионализма проявляется как деятельность элитарных

региональных групп, реализующих задачи расширения своих прав и формирующих на этой основе идеологии противодействия централизму. При этом, как отмечают исследователи регионализма, на второй план здесь могут отступать материальные детерминанты, а доминировать начинает антропоцентризм и “властно-правовой контекст, в который вписан данный регион” [7, с. 42].

Такой поход актуализирует реальность социального конструктивизма, являющегося одним из теоретических оснований для понимания регионализма. Опираясь на теорию социального конструктивизма, мы можем говорить о том, что регионы являются социальными конструкциями, и непосредственно описание процесса регионализации является процессом консолидации и конструирования. Таким образом, “нет определенно заданного региона, нет интересов регионализации, а есть общие идентичности и интересы, которые возникают в процессе взаимодействия” [5, с. 32].

В соответствии с этим подходом источником любого регионалистского движения является исключительно идентичность. В основе здесь может лежать именно территориальный ее компонент. По мнению П. Сорокина, “из всех связей, которые соединяют людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов” [8].

Цивилизационные основания регионализма получают развитие в конце XX в., когда в условиях глобализации актуализировался запрос на новые различия, и когда претензии на свою субъектность в политической системе стали предъявлять различные общности, формируемые на основании разнообразных сочетаний идентичности, в том числе цивилизационной и региональной. Обосновывая себя в качестве субъекта политических отношений, они, так или иначе, апеллируют к историческому прошлому.

Классический пример примером является формирование концепта “украинской региональной цивилизации”: «“Внутренняя Русь”, “Малороссия”, “Украина” – это фактически названия одного и того же феномена: юго-западной региональной цивилизации, которая является украинской» [9, с. 40]. Данный концепт реализуется в первую очередь через историческое дистанцирование от истории

России. Это проявляется, в частности, в утверждении, что "... на территории Древнерусского государства сформировались новые государства – Украина, Московское царство и Великое княжество Литовское (частично территория Белоруссии). Ни одно из этих государств не имеет никаких исторических, юридических и моральных прав включать историю Древнерусского государства в свою историю. Можно лишь сослаться на это государство как на исторического предшественника, да и то с оговорками. Даже современная Украина, которая расположена на территориях "Малой" Руси (центра империи), может тоже говорить о Древнерусском государстве (Руси) лишь как историческом предшественнике" [9, с. 32].

Кроме того, здесь можно выделить конструируемые положения об особой ментальности и исторически сформировавшихся чертах характера, которые впоследствии стали доминирующими для украинского народа и являются маркерами его отдельной цивилизационной идентичности. В частности, утверждается, что "различия в способах мышления и жизни будущих украинцев и москвитов были заложены еще в Древнерусском государстве". По мнению автора этого концепта, для жителей Малой Руси был характерен более высокий уровень духовного развития, а правящее сословие и население, вследствие широкой реализации прямых демократических процедур ("участие в народных собраниях (вече), в военных походах князей, в защите государства от кочевников") – было "государственно мыслящими людьми" [9, с. 33]. В дальнейшем "население "Малой" Руси" закрепило образцы такого мышления и действий в исторической памяти, которые потом возродились в казачьем движении и казачьем государстве, и реализовалось во всей истории украинского народа. В отличие от населения Малой Руси (современная Украина), Внешняя Русь (где сформировалась современная Россия) имела образцы иного мышления и действий: отсутствие реально действующих законов, обеспечение господства князя силой, "формирование рабской психологии русского народа", что, по мнению автора, определяет характеристики русского народа и русской цивилизации на данный момент [9, с. 26].

В основе исторического обоснования существования "сибирской цивилизации" содержатся положения об особом историческом пути (идеи сибирского областничества,

как результат формирования особой сибирской идентичности, являющейся результатом исторических особенностей освоения Сибири, происшедшего вследствие добровольного движения русских переселенцев за Урал, колонизации казаками и штрафной колонизации [10, с. 84]. Кроме того, здесь можно выделить противопоставление себя Европейской части России в качестве региона, сохранившего "русскую традиционность", в отличие от Европейской России, где "этих традиций уже практически не осталось" [10, с. 87].

Исторические обоснования цивилизационного регионализма варьируются в зависимости от того, в чьих интересах, том числе и геополитических, эти проекты реализуются. В частности, можно выделить, как минимум, два варианта исторического обоснования концепта "кавказская цивилизация". Первый базируется на представлениях о существовании сформировавшейся в течение длительного исторического периода особой исторической ментальности народов, населяющих Кавказ. Более того, в данную цивилизационную целостность, сформировавшуюся на основании "исторически-культурной близости", включаются "казаки и горские народы" [11]. В соответствии с логикой авторов концепта кавказской цивилизации, все народы, населяющие Кавказ, взаимодействовали настолько тесно и были настолько исторически близки, что в итоге сформировали "целостную систему сословно-престижных и всенародно действующих этикетных норм поведения людей" [11].

Коммуникативную теорию кавказской цивилизации как культурного типа развивает Х.Г. Тхагапсоев [12]. В.В. Черноус [13, 14] рассматривает Кавказ как пространство диалога, контактную зону цивилизаций, одним из субъектов которого выступает кавказская горская цивилизация. А.В. Лубский [15] считает Северный Кавказ периферией российской цивилизации.

Второй концепт базируется на негативизации роли России в истории Кавказа. В его основу заложены представления о борьбе кавказских народов против внешней агрессии, где помимо противодействия иранской и турецкой экспансии, акцент делается на общем для всех народов Кавказа противодействии российской колонизаторской политике в рамках событий Кавказской войны, которая преподносится как серия "военных операций империи против народов Кавказа",

в результате которых “Кавказ окончательно вошел в ее состав” [16].

Цивилизационный контекст присутствует и в реализации регионального национализма. Например, это проявляется в конструировании идентичности “финно-угорского мира”, основанного на формировании представлений о языковом, историческом и культурном родстве финно-угорских народов [17, с. 212]. В контексте исторических обоснований, здесь осуществляется наполнение политическим содержанием исторической архаики, праязыка, прародины и прафинноугорской общности, которые “предположительно существовали до конца III тысячелетия до н.э.” [17, с. 215]. Кроме того, здесь активно продвигается тезис об общей “исторической родине” (Финляндия), вокруг которой концентрируется “финно-угорский мир”.

К проектам цивилизационного национализма исследователи относят концепты арктической (циркумполярной) цивилизации, “адыгской цивилизации”, “болгаро-чувашской цивилизации”, “цивилизации народа саха” [4, с. 213]. Большинство из них, так же как и проекты цивилизационного регионализма, являются классическими конструктами. Подобное утверждение подтверждается отсутствием разработанных критериев цивилизации и невозможностью верификации выводов, формулирующих их существование в тех или иных вариациях. Характерным примером является множественность подходов не только к концепту “кавказская цивилизация”, но и противоположные взгляды на само ее существование.

Необходимо обозначить, что нельзя абсолютизировать конструктивизм в рассмотрении исторических оснований цивилизационного регионализма и национализма. Формирование цивилизационной идентичности, на которой базируются данные движения, равно как и формирование представлений об исторических основаниях цивилизационной принадлежности, может подразумевать или продуцировать объективную реальность. Как правило, в исследованиях идентичности, в том числе и цивилизационной, используются эссенциалистский и конструктивистский подходы. Первый опирается на “объективные характеристики реальности, т. е. конкретная идентичность берет свое начало в объективной реальности”, второй – на представления о том, что “социальная идентичность является результатом конструирования в ходе освоения

личностью реальности” [10, с. 83], и идентичность является следствием “социальных интеракций”. Дуализм в методологии восприятия идентичности успешно преодолевается через использование теории феноменологического конструктивизма, в соответствии с которым социальная реальность постоянно “конструируется и реконструируется” воспринимающими субъектами. В процессе экстернализации субъект “проецирует свои собственные значения на реальность” [18], в процессе объективации “экстернализированные продукты человеческой деятельности приобретают характер объективности” [18, с. 102], а посредством интернализации, “объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации” [18, с. 103], и субъекты познания сформированных значений включают их в собственную интерпретативную модель.

Таким образом, мы можем говорить о том, что цивилизационный регионализм и национализм формируются на основании доминирующих в определенный момент времени представлений о цивилизационной идентичности и ее исторических основаниях. В качестве таковых могут выступать: дистанцирование от общего исторического прошлого; репрезентация особого исторического пути, особой ментальности и исторически сформировавшихся чертах характера; концентрация представлений о прошлом вокруг “исторической родины”, с которой целенаправленно связывается и будущее; позиционирование своего цивилизационного единства, как результата борьбы против общего врага и так далее.

Как правило, эти представления являются результатом целенаправленной дискурсивной деятельности, осуществляемой не только в интересах региональной элиты, но и в качестве элемента гуманитарных технологий, используемых геополитическими игроками различного уровня. Возможности конструирования цивилизационного регионализма и национализма чрезвычайно актуальны при реализации тех геополитических проектов, которые подразумевают необходимость активизации дезинтеграционных процессов на территории геополитического противника. И, безусловно, такая деятельность требует пристального и тщательного изучения, направленного на выявление и деконструкцию деструктивных контекстов цивилизационного регионализма и национализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китинов Б.У. Взаимодействие цивилизаций в Каспийско-Центральноазиатском регионе: Учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 208 с. С. 21.
2. Дилигенский Г.Г. “Конец истории” или смена цивилизаций? // Цивилизации. М.: Наука, 1993. Вып. 2. С. 44–62.
3. Лукьянов Д.В. О некоторых методологических и теоретических вопросах современной исторической науки. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с. С. 119.
4. Виктор Шнирельман. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышляя о самобытности. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232
5. Михайленко Е.Б. “Старый” и “новый” регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург: Изд-во урал. ун-та, 2014. 116 с.
6. Андрей Макарычев. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/book/round3.htm> (дата обращения: 20.04.2015).
7. Ландабасо А. К вопросу о теории регионального развития // Федерализм: Теория. Практика. История. 1998. № 1. С. 33–42.
8. Сорокин П. Система социологии. В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. 688 с. С. 210–213.
9. Михальченко Н. Украинская региональная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. Монография. К.: ИПиЭНИ имени И.Ф. Кураса НАН Украины, 2013. 340 с.
10. Зайнутдинов А.Э. Цивилизационная идентичность Сибири: от областничества рубежа XIX–XX веков к современному сибирству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 2 (61). С. 81–97.
11. Абдулатипов Р. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность. Научная мысль Кавказа. 1995. № 1. С. 55–58.
12. Тхгапсов Х.Г. Лектонический тип коммуникаций и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2001. № 4. С. 50–58.
13. Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы цивилизационно-культурного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 154–167.
14. Черноус В.В. Кавказ: контактная зона цивилизации и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 30–34.
15. Лубский А.В. Северный Кавказа – периферия российской цивилизации // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С. 34–38.
16. Метревели Р. Кавказская цивилизация в контексте глобализации. Стокгольм, Издательский дом SA&CC Press. 2009. 108 с. С. 21.
17. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. Монография. М.: Директ-Медиа, 2014. 409 с.
18. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 324 с.

REFERENCES

1. Kitinov B.U. eds. *Vzaimodeystvie tsivilizatsiy v Kaspiysko-Tsentrāl'noaziatskom regione* [The interaction of civilizations in the Caspian-Central Asian region]. Moscow, RUDN, 2008 208 p.
2. Diligenskiy G.G. “Konets istorii” smena tsivilizatsiy? [The End of history” change of civilizations?]. In: *Tsivilizatsii*. Moscow, Nauka, Issue 2, 1993, pp. 44–62.
3. Luk'yanov D.V. *O nekotorykh metodologicheskikh i teoreticheskikh voprosakh sovremennoy istoricheskoy nauki* [Some methodological and theoretical problems of modern historical science]. Volgograd, Uchitel', 2014, 504 p., p. 119.
4. Viktor Shnirel'man. *Vremya tsivilizatsii: tsivilizatsionny podkhod kak natsional'naya ideya* [The time of civilization: civilization approach as a national idea]. In: *Rossiyskaya modernizatsiya: razmyshlyaya o samobytnosti* [Russian modernization: reflecting on identity], Moscow, Tri kvadrata, 2008, pp. 198–232.
5. Mikhaylenko E.B. “Staryy” i “novyy” regionalizm: teoreticheskii diskurs [“Old” and “new” regionalism: theoretical discourse]. Ekaterinburg, Ural Univ. Press, 2014, 116 p.
6. Andrey Makarychev. *Vliyanie zarubezhnykh kontseptsiy na razvitie rossiyskogo regionalizma: vozmozhnosti i predely zaimstvovaniya* [The influence of foreign concepts on the development of Russian regionalism: opportunities and limits of borrowing], available at: <http://www.prof.msu.ru/publ/book/round3.htm> (accessed April 30, 2015).
7. Landabaso A. *Federalizm: Teoriya. Praktika. Istoriya*, 1998, no. 1, pp. 33–42.
8. Sorokin P. *Sistema sotsiologii* [System of Sociology]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Nauka, 1993, 688 p.
9. Mikhail'chenko N. eds. *Ukrainskaya regional'naya tsivilizatsiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Monografiya* [Ukrainian regional civilization: Past, Present and Future]. Kiev, IPIENI named by I.F. Kurasa Ukraine NAS, 2013, 340 p.
10. Zaynutdinov A.E. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2012, no. 2 (61), pp. 81–97.
11. Abdulatipov R. *Nauçnaâ mysl' Kavkaza*, 1995, no.1, pp. 55–58.
12. Tkhaçapsoev Kh.G. *Nauçnaâ mysl' Kavkaza*, 2001, no. 4, pp. 50–58.
13. Chernous V.V. *Nauçnaâ mysl' Kavkaza*, 1999, no. 3, pp. 154–167.
14. Chernous V.V. *Nauçnaâ mysl' Kavkaza*, 2000, № 2, pp. 30–34.
15. Lubskiy A.V. *Nauçnaâ mysl' Kavkaza*, 2000, № 2, pp. 34–38.
16. Metreveli R. *Kavkazskaya tsivilizatsiya v kontekste globalizatsii* [Caucasian civilization in the context of globalization]. Stockholm, Publishing house SA&CC Press, 2009, 108 p.
17. Shabaev Yu. P., Sadokhin A. P. *Regional'nyy natsionalizm: ekspertnyy analiz ideologii etnicheskikh dvizheniy finno-ugorskikh narodov Rossii*. [Regional

nationalism: expert analysis of the ideology of ethnic movements of the Finno-Ugric peoples of Russia]. Moscow, Direkt-Media, 2014, 409 p.

18. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium, 1995, 323 p.

Статья подготовлена в рамках НИР по теме “Факторы и механизмы дестабилизации ситуации на Северном Кавказе: исламизм, национализм и регионализм” (проектная часть государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности № 30.1577.2014/К).

19 мая 2015 г.

УДК 327.39, 32.019.51, 329.273

ЧЕРКЕССКИЕ ВЕБ-РЕСУРСЫ: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ, СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В.В. Цибенко, С.Н. Цибенко

Изучение влияния глобальной сети Интернет на развитие современных национальных движений стало крайне востребованным в последние годы [1]. Многие исследователи указывают на роль Интернета в этнической мобилизации и выделяют особый тип кибер-активизма, задействующего протестные настроения в молодежной среде [2].

В современной России в связи со смещением фокуса общественного внимания в преддверие Олимпиады в г. Сочи на Северо-Западный Кавказ первостепенную важность приобрело изучение протекающих сегодня процессов черкесского нациестроительства. Актуальность темы сохранилась и после окончания Олимпиады, поскольку формирование единой общечеркесской идентичности продолжилось, а политические требования ряда черкесских организаций не были удовлетворены.

Более того, попытки конструирования единой общечеркесской идентичности посредством сети Интернет привели к появлению феномена “виртуальной Черкесии” [3, p. 118]. Как отмечает Дэвис Поландов: “В настоящий момент Черкесия – проект, безусловно, виртуальный. Это не уничижительная характери-

стика, а просто констатация факта. Интернет стал той площадкой, на которой разрозненные географически черкесы получили возможность встретиться и попытаться выстроить что-то подобное национальной идеологии” [4].

В этой связи исследование интернет-активности в контексте этнической мобилизации адыгских (черкесских) народов представляется особенно необходимым*. Раздельное проживание представителей этих народов на Северо-Западном Кавказе и в диаспоре (в странах Ближнего Востока, Европы и США) приводит к повышению значимости глобальной сети в протекающих социально-политических процессах, так как предоставляет возможность создания единого коммуникационного пространства: “Интернет облегчает транснациональную коммуникацию между разорванными сообществами, позволяя преодолеть географические и политические ограничения, накладываемые национальными государствами, национальными институтами или международными границами” [8].

В рамках данного исследования проведен комплексный анализ черкесских веб-

* На данный момент такие исследования практически отсутствуют и носят диффузный характер [5–7].

Цибенко Вероника Витальевна – кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru, т. 8(863)2645631;

Цибенко Сергей Николаевич – Южный федеральный университет, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, e-mail: tsibenko@sfedu.ru, т. 8(863)2645631.

Veronika Tsibenko – Southern Federal University, 140 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru, tel. +7(863)2645631;

Sergey Tsibenko – Southern Federal University, 140 Pushkinskaya Street, Rostov-on-Don, 344006, e-mail: tsibenko@sfedu.ru, tel. +7(863)2645631.